

Александр Кириллов

Шелест
вечной мерзлоты

Александр Кириллов

Шелест вечной мерзлоты

«Автор»

2026

Кириллов А. В.

Шелест вечной мерзлоты / А. В. Кириллов — «Автор», 2026

Вечная мерзлота тает. Но что именно она отпускает на волю? Инженер-геолог получает в наследство ветхий дом в сибирском посёлке Нижне-Камнегорск. Дядя исчез, оставив записку: «Не пытайся их вывести. Погреб заколоти». Тишина морозной ночи, маслянистый запах из щелей и ритмичный перестук в пустотах стен. Однажды ночью на столе появляется ОНО. Нечто, чертящее в воздухе фигуры, ломающие геометрию. И нечто, что смотрит на человека не как на хозяина дома, а как на временную оболочку. Откуда оно пришло? Почему с каждым днём герой всё отчётливее слышит голос внутри себя? Ответы — в погребе. Но дядя заколотил его не просто так. Некоторые вопросы лучше не задавать. Когда услышишь их шёпот — обратной дороги нет. «Шелест вечной мерзлоты» — хоррор в сибирской глуши, где древнее зло ползёт из каждой щели вашего дома. Автор в работе беспринципно и с особым цинизмом использовал нейросети.

© Кириллов А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Кириллов

Шелест вечной мерзлоты

«Старые люди говорят: там, где земля никогда не оттаивает, лежит не мёртвое и не живое — ждущее. А когда лёд начинает плакать, из щелей выползают шестиногие гонцы. Не убивай их — они считают. И когда насчитают достаточно, из-под порога выйдет Сам» — Из устных преданий енисейских остяков, запись А. К., 1911 г., не опубликовано

Часть первая. Дом на краю тайги

Не стану утверждать, что прежде я не замечал этих тварей. Как и любой обитатель ветхих деревянных домов в сибирской глуши — тех, что срублены из лиственницы ещё до прокладки Транссиба, с окнами, глядящими в промёрзшую тайгу на семь месяцев в году, — я время от времени находил следы их присутствия. Но здесь, в *Нижне-Камнегорске* (название изменено по причинам, которые станут ясны далее), следы эти обрели зловещую настойчивость.

Мой дом геологической партии, брошенный ещё в семидесятых после того, как три бурильщика не вернулись из маршрута и их тел не нашли даже весной, стоял на юру. Когда дует с Востока, половицы печально поют. А когда затихает всё — а в сорокаградусные морозы тишина бывает абсолютной, — я слышал под полом, в пустотах фундамента, *размеренный перестук*. Не мыши, нет. Слишком ритмично, слишком механично, словно маленькие костяные молоточки отбивают дробь, похожую на телеграфный код, которого не знает ни один человек.

Дом достался мне по наследству от двоюродного дяди, старого сибирского краеведа, исчезнувшего три зимы назад. Перед уходом — он сказал соседям, что идёт на охоту, но винтовку оставил в прихожей. А когда я приехал оформлять наследство, то заметил свежие потёртости на полу перед кухонным плитусом — будто кто-то долго сидел на корточках в этом месте. А под ковриком у порога нашлось коротенькое письмо, написанное твёрдым, но торопливым почерком дяди: *«Не пытайся их вывести. Они здесь жили до нас. Они же и останутся после. Погреб заколоты»*. Я тогда посмеялся: старик впал в маразм.

Я приехал в октябре, когда солнце уже не поднимается выше сопок, и день длится четыре часа — тусклых, синеватых, как бинты умершего. Обживался я долго: выбил налёт инея с внутренней стороны стёкол, протопил голландскую печь, сколол лёд с порога. Но запах, который тянулся из кухонного угла, не выветривался ни через проветривание, ни через хлорку. Это был маслянистый, сладковато-гнилой дух, который я помнил только однажды — на старом кладбище у заброшенной деревни, где в полусгнивших гробах среди костей копошились чёрные, блестящие тела. Запах **обитания нечеловеческого разума**.

В ту ночь — а случилось это в канун дня Сомкнутых век, когда, по местным поверьям, «тайга закрывает глаза» — меня разбудило не сквозняк и не скрип. Меня разбудило молчание. Печь прогорела, ветер стих, и в этой абсолютной тишине, оглушающей, как в вакууме, я услышал *шелест*. Он исходил от стола, заваленного моими аспидными дощечками с образцами пород — я готовил отчет по медному колчедану. Я зажёл керосиновую лампу — электричество в здешних краях дают с перебоями — и луч света упал на край столешницы.

И я увидел Его.

Часть вторая. Анатомия отвращения

Сначала мне показалось, что это трещина в старом шпоне — извилистая, неестественно правильная. Но трещины не меняют форму. А эта *меняла*. Секунду она была дугой, следующую — углом, а затем из этого угла, медленно, плавно, выступило нечто цельное. Я смотрел, как под действием каких-то неведомых законов из плоскости выдвигается объём, и сердце моё начало отсчитывать удары так часто, как будто хотело вырваться из грудной клетки и убежать в тайгу.

Это был таракан.

Но слово «таракан» так же похоже на него, как детская считалка похожа на заклинание из книг запретного арабского сумасшедшего. Он был огромен — почти пять сантиметров в длину, — и окрас его не был ни чёрным, ни бурым, ни рыжим. Цвет его панциря напоминал *старую кровь*, застывшую до черноты, но с глубокими рубиновыми прожилками, которые пульсировали в такт моему пульсу. Да, я готов поклясться: отблески на его спине двигались в ритме моего собственного сердцебиения.

Голова его — плоская, вытянутая, с двумя длинными усиками — не была обращена ко мне. Она была направлена в угол, где темнел ничем не прикрытый лаз в подпол. Но это не принесло мне облегчения. Ибо я заметил, что *глаза* — те самые фасеточные, состоящие из тысяч микроскопических зеркал — были у него по бокам, и, значит, он видел меня без всякого поворота. Более того: я физически ощутил на себе этот взгляд. Холодный, изучающий, лишённый эмоций, но исполненный древней, всеобъемлющей внимательности. Так патологоанатом разглядывает необычный препарат, прежде чем взять скальпель.

Три пары его ног — каждая покрыта мельчайшими шипами, выстроенными в безупречный шахматный порядок — упирались в лист моей полевой тетради. И я с ужасом увидел, как чернильные записи о геологическом разрезе медленно истаивают под тяжестью его тела. Не стираются — исчезают, словно их втягивает в себя поверхность хитина. Он пытался не бумагой и чернилами: он пытался *знаниями*, которые эти чернила фиксировали. Мои расчёты по залеганию медных руд уходили в его бездонную утробу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.